

ЕВГЕНИЙ ИЛИТОВИЧ

2012
ДЕРЕВО ЖИЗНИ

КРАСОТА УБЬЕТ МИР

Евгений Валерьевич Ничипурук
2012. Дерево Жизни
Серия «Дерево Судьбы», книга 2

*Текст предоставлен издательством «АСТ»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=282582
2012. Дерево Жизни: АСТ; Москва; 2010
ISBN 978-5-17-064482-7, 978-5-9725-1718-3*

Аннотация

Главная битва за судьбу цивилизации разыграется в сердце одного человека!

В Гонконге девушка видит вещие сны.

В Токио посреди белого дня исчезает поезд.

В Нью-Йорке гениальный художник пишет картину, способную уничтожить мир...

А тем временем человек, лишенный снов, бежит из Москвы на райский остров Бали и отчаянно ищет Дерево Судьбы, пытаясь спасти свою любовь и изменить предначертанное!

Множество географических точек, временных отрезков, загадочных событий и приключений сплелись воедино, создавая общую картину, возможно, самого необычного романа о конце света.

Содержание

о. Бали, Юго-Восточная Азия	5
Нью-Йорк	8
о. Бали, Юго-Восточная Азия	10
Нью-Йорк	16
Нью-Йорк	17
о. Бали, Юго-Восточная Азия	19
Нью-Йорк	21
о. Бали, Юго-Восточная Азия	23
Нью-Йорк	27
Нью-Йорк	29
Гонконг	30
Нью-Йорк	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Евгений Ничипурук

2012. Дерево Жизни

Хочется сказать слова благодарности людям, без которых эта книга не была бы написана, или написана, но совершенно другой. Благодарю маму и папу за то, что я есть, свою жену Элизу за круглосуточную поддержку и любовь, Женю Сафонова за ценные дружеские ремарки, Сережу Мишакова за музыку в колонках, Рому Пушкина за дружеское плечо, Сашу Сипатого за то, что никогда не подводит, Лену Кипер и Олега Борщевского за лучи позитива, Юру Гаркунова за техпомощь в Сети, Сашу Мухина за то, что был рядом, Иру Монро за то, что было иногда очень весело, Владу Мухину за фотографии, Сережу Гордиенко за дизайн, Софи Тронза за красивые слова, Наташу Троицкую за постоянство, Александра Прокоповича и Катю Серебрякову за приятное сотрудничество... А также всех моих друзей и близких за понимание, терпение и поддержку.

о. Бали, Юго-Восточная Азия

– Гребанные целлофановые пакеты! Будьте вы прокляты, создатели пластиковых стаканчиков и резиновых гондонов! Неужели я должен плавать во всем этом дерьме?! Стоять по пояс в Индийском океане и ощущать кожей не соленую воду, а прикосновение покачивающихся в волнах прозрачных пластиковых мешков?! Вы заполонили всю планету! Вы не оставили места для жизни мне!

Это орет Стив. Стив американец. Мы оба находимся на райском острове Бали. И у меня, и у Стива одинаковое выражение лица – наши лица превратились в маски отвращения. Разница лишь в том, что я отдыхаю на лежаке в трех метрах от океана, а Стив пошел купаться. Но океана Стив так и не нашел, он заблудился в потоках плавающего в волнах мусора. Стив из тех американцев, что искренне верят, что их мнение кого-то волнует, а их действия что-то значат. Поэтому он стоит по пояс в грязной воде и орет своим американским матом, проклиная загрязнителей окружающей среды. Стиву двадцать пять лет, и он, разумеется, голосовал за Барака Обаму.

А потому он никак не понимает, какого хрена в мире все еще происходит какое-то дерьмо. Я подзываю к себе парня, выдавшего нам лежаки, и спрашиваю, что за долбаная херня тут случилась. А парень улыбается и отвечает: «Сорри, босс, цивилизация!»

Цивилизация... Маленький балиец, целыми днями торчащий на пляже, чьи ноги никогда не знали никакой обуви, кроме шлепок-вьетнамок, никогда не изучавший ни физики, ни философии, ни макроэкономики, в совершенстве знающий лишь регги да серфинг, не думая ни секунды, ответил на самый сложный вопрос человечества – указал на причину большинства бед и несчастий на планете Земля. Ответил, взял широкие грабли и, улыбаясь солнцу и мне, пошел убирать мусор, выброшенный волной на пляж. Все эти пакеты и пакетики, куски упаковочной пленки и гигантские скрученные в немыслимые узлы мусорные мешки. Да, это и есть наша цивилизация. Сколько тысяч лет должно пройти после исчезновения человечества, чтобы на земле не осталось ни следа от его существования? Сколько? Немыслимо до хрена. Уверен, что археологи будущего, другие, совсем не похожие на нас, разумные создания, будут изучать нашу культуру по пластиковым изделиям. Более того – выставлять их в музеях, как сейчас нам демонстрируют образцы эпох бронзы и камня. Нашу цивилизацию назовут пластиковой или полимерной. Представьте себе музей, где в стеклянных шкафах с подсветкой висят отреставрированные пакеты из супермаркетов! И карта очагов «культуры». И на ней все мыслимые и немыслимые кусочки суши. Даже там, где людей пока нет и никогда не будет, последствия существования человечества найти не сложно. Их прибывает к берегу океанскими течениями, их выбрасывает на пустынный девственный пляж. Птицы находят их и тащат на деревья, приспособившая всю эту нелепицу при строительстве гнезд.

Век полимера очень долгод. В естественной среде он распадется не раньше чем через двести пятьдесят лет. Не исключено, что некоторые образцы переживут тысячелетия. Все это обыкновенная химия. Все это особый состав, призванный служить и помогать человеку. Все это наш так называемый прогресс, цель которого сделать для каждого доступными минимальные блага цивилизации. А потому, Стив, заткнись. Закрой свой рот, зажмурь глаза и окупись в мусорные пакеты, которые принесло течением то ли из Денпасара, а может, и с густонаселенной Явы. Терпи, ведь это все то, за что ты на самом деле борешься. Это издержки победы добра над злом, просвещения над мракобесием. Небольшая часть самого обычного «американского пирога». И я тоже зажмурюсь и пойду ловить волну. Возьму свой серф и, морщась от отвращения, заплыву подальше сквозь пластиковые заросли и прокачусь, оседлав зеленую в крапинку волну, первым, но далеко не последним, продемонстрировав новый увлекательный вид спорта – *garbage surfing*.

Вот о чем я думаю, лежа под солнцем Бали, глядя на мусор и своего нового приятеля Стива. Я беру доску и иду в океан. Что бы ни случилось, мы всегда должны делать то, что должны делать.

* * *

Утром меня опять будят птицы. Надо было чаще смотреть канал «Дискавери», тогда бы я знал, почему они так истошно орут именно по утрам. Этим криком и пением птицы обозначают свою территорию, но почему ее крайне важно обозначать именно на рассвете? Такое ощущение, что все эти самцы пернатых, проснувшись впадают в глубокий шок от того, что несколько часов они жили в абсолютной тишине и на их владения вот-вот может кто-то покушаться. Вот они и наверстывают упущенное. Никак не могу к этому привыкнуть. Ночью орут цикады и гекконы, маленькие древесные лягушки и здоровенные черные жуки, утром – птицы, днем – люди. Этот безумный, безумный мир. Полная палитра всевозможных звуков. Тишина наступит, только если сесть на байк и покатить в горы. Через два с половиной часа дороги по серпантину я смогу ощутить настоящую, стопроцентную, тишину. Правда, подозреваю, что это от того, что у меня при резком подъеме закладывает уши.

Я встаю, протираю глаза и бреду в ванную. Ванная – это маленькая выложенная кафелем комнатка с унитазом, куском зеркала и торчащей из потолка трубой с душевой насадкой. Еще с дыркой в полу для слива воды и серым, старым покореженным бесконечными попытками чистки умывальником. Я смотрюсь в зеркало. Хмурюсь. Устало вздыхаю и умываюсь. Ссу в унитаз, не поднимая стульчак. Давлю вскочивший на плече от влажности и пота прыщ. Морщусь своему отражению. Морщусь скорее так, для протокола. Нужно признаться, что я исключительно доволен своей внешностью. За несколько месяцев жизни здесь мое тело стало будто точенным из железного дерева, наподобие тех искусно сделанных фигурок, что продают умельцы в горах Убуда. Фигурок богов с телами профессиональных спортсменов. Я никогда в жизни не был в такой форме. И, если честно, мне бы очень не хотелось ее терять. Если ты вдруг приобретаешь каменные бицепсы и рельефные плечи, начинаешь чувствовать себя мужчиной. И тебе не хочется снова превращаться в офисное желе. Ты смотришь на себя в зеркало и понимаешь, что это тело и эта жизнь подходят тебе гораздо больше. Все дело в свежем воздухе, чистых продуктах и, конечно же, в постоянном катании на серфе. Довольный собой, я подмигиваю своему отражению, выхожу на маленькую террасу в саду и достаю из карманов шорт маленький черный блокнот. Сажусь за деревянный столик и делаю ставшую уже традиционной утреннюю запись.

День 265. Утро

Ночью мне опять ничего не приснилось. Проснулся рано. В шесть утра. В планах поехать в центр острова. Думаю, свернуть в районе озера Братан наугад куда-то в глушь, наверное, вправо. А там попетлять наугад по дорогам. Пока ничего такого, что могло бы хоть как-то обозначить конец поисков, я так и не нашел. Погода сегодня явно подходит для путешествия на байке. Дожда пока не предвидится, но в то же время не очень жарко. Ночью как-то потратил двести баксов. Точнее, пропил. Кажется, разошелся не на шутку и угощал в «скай гардене» каких-то австралийцев, приятелей Стива. Так что осталось всего шестьсот пятьдесят \$. Это очень мало. Надо как-то экономить или придумать, где бы опять можно было подзаработать.

Я закрываю книжечку и иду в комнату. Комната у меня маленькая, но чистая. Я живу в номере, в коттеджах на улице Бату Белик, что в самом конце длинной путаной улицы Пети

Тангет. Принадлежит этот домашний отель семье китайцев, которые трудятся в нем всем своим роем, от отца до двоюродных племянников. Можно было бы найти что-то поприличнее, но меня все вполне устраивает. Зачем платить больше, если здесь я сторговался и плачу всего девять долларов в сутки, и это вместе с уборкой и утренним чаем.

По утрам я всегда курю. Знаю, что это ужасно вредно – курить на голодный желудок, но ничего не могу с собой сделать. Я покупаю в «Азия-базаре», большом супермаркете для местных, индонезийские сигары. Они хоть и не обладают благородным кубинским или доминиканским вкусом, зато наверняка это натуральный продукт без каких-либо примесей. И делаются зачастую вручную, так как тут иногда проще нанять тысячу человек, чем купить какой-нибудь станок. В Индонезии труд вообще стоит гроши. Поэтому все Nike, Reebok и прочий масс-маркет шьется здесь. Где-то под Джакартой и Ширабайя стоят огромные фабрики, на которых фигачит сотня тысяч индонезийцев, многим из которых нет и четырнадцати лет. А куда деваться? Запретить брать на работу детей? Не думаю, что это выход. Уж лучше работать на фабриках этих грязных мегаполисов, чем продаваться за двадцать баксов за ночь на улицах Куты... Если Индонезия третья страна по численности населения в мире, то труд не может стоить дорого по определению. В этом есть и свои плюсы... например, вот эта сигара ручной скрутки всего за пятьдесят центов.

Табак, зеленый чай, шоколад... Это все помогает открыть свой разум. Настраивает на так называемые альфа-волны. Раскрывает интуицию. Дает какое-то особое просветление. С некоторых пор я стал более внимательно относиться к подобным вещам, хотя еще год назад считал все это полнейшей чушью. Просто сейчас мне это важно.

От табака меня немного мутит. Кружится голова и ноет в желудке. Но мне плевать. В этом весь мой странный кайф. Я докуриваю сигару, допиваю чашку чая и, взяв с собой лишь нож, блокнот и фотоаппарат, сажусь на мопед Honda Vario и выезжаю из места, которое я вот уже больше месяца называю своим домом. Когда я выруливаю из ворот, пожилой китаец с нашивкой «security» на груди улыбается и машет мне рукой.

Солнце уже высоко, но еще не жарит. Краски еще не убило его «пересветом». Я могу различать оттенки зеленого и видеть разницу между молодым и уже почти созревшим рисом на полях-террасах. Я качу по узенькой дорожке. Домик, домик, рисовое поле, магазин, домик, рисовое поле. Я выкатываю из переулка на большую дорогу – словно маленький ручеек впадает в речку, – и растворяюсь среди сотен других таких же «Хонд»... В эту секунду мне кажется, что на самом деле я пропал не только для своих родных и близких, но и для себя самого.

Нью-Йорк

Незадолго до этого

– Мне кажется, что они сами уже не знают, что там снимают! Ну сам посуди! Они пишут сценарий, основываясь лишь на желании поднять себе рейтинг! Набрать себе очков, зацепить таких, как мы с тобой, на крючок! Ну что за чушь – Саид работает на Бена, Бен перенес остров! Все эти «актуальные» привязки – Ирак, Алжир... Все же ясно как божий день!

– Беда всего современного мира в том, что все гонятся за рейтингами. Сама история уже не важна. Важно, чтобы ты просто тупо подсел.

– Вот именно! Ну вспомни, в первых сериях всех жрал какой-то монстр, а потом он взял и просто исчез и все, никто ничего даже не объяснил. Или помнишь про «ящик Пандоры», комнату, где можно было получить то, что хочешь больше всего... Или как Соер убил типа «отца» Лока. А? Я таких косяков много могу им припомнить! Если ружье повесили на стену, оно должно выстрелить. А у них вместо этого мы лишь находим новое ружье! Развязок крайне мало, лишь дополнительные крючки...

– Но мы же смотрим. Да...

– Да. И это неправильно! Это противозаконно в конце концов. Разве нельзя это квалифицировать как обман потребителя? Они нам говорят фактически: смотрите следующие сто серий и вы узнаете, что же это был за монстр такой. Ты смотришь сто серий, а тебе – хрен! А когда ты возмущаешься, типа ну что за фиг, они все делают вид, будто и не было никакого монстра.

– Мне кажется, все это делается в расчете на то, что ты все равно забудешь, что там было. На то это и сериал. Если его разобрать досконально, то наверняка найдешь еще больше нелепицы или вообще противоречащие друг другу факты. Мне думается, что они сами там забывают, что снимали вначале... Постой. Этот мой! Тфу ты блин... промазал. Так вот, о чем я... думаю, что рано или поздно кто-нибудь поймет, что это все фальшивка и снимет что-то действительно стоящее... и тогда про этот LOST все сразу же забудут и будут даже смеяться над собой: и как я смотрел этот бред аж семь сезонов?! Вон! Наверху! Твоя очередь, не промахнись... Есть!

Нью-Йорк. Утро. Центральный парк. Два хорошо одетых молодых человека прогуливаются по дорожкам. В парке почти совсем безлюдно. Громко поют птицы. Свет, расплетаясь тонкими нитями, плавно спускается сквозь листву деревьев на асфальтовые дорожки. В руках у молодых людей новенькие пневматические ружья, снаряженные по последнему слову техники – оптика и лазерные целеуказатели. На ремнях маленькие охотничьи сумки, вроде тех, что носят охотники на перепелов. Время от времени парни вскидывают оружие вверх и, недолго целясь, стреляют куда-то в листву. Иногда они попадают в кого-то, иногда промахиваются. Просто утренняя прогулка выходного дня. Беседа ни о чем и стрельба для разрядки.

– Попал! – в очередной раз восклицает один из стрелков и устремляется в кусты. – Вот он! – Он нагибается и поднимает высоко над своей головой мертвого скворца.

– Нужно вести счет. – Другой смотрит в свою сумку и выдает: – У меня уже десять. Таскать тяжело.

– Надо просто отрезать лапки.

Они присаживаются на лавочку и деловито раскладывают добычу на асфальте. Достают охотничьи ножи и аккуратно обрезают черным птичьим тушкам лапки. Мимо проходит старушка с собачкой. Увидев стрелков, она одобрительно кивает головой.

– Вы бы сдавали тушки в ресторан, – дружелюбно говорит им старушка.

Но парни лишь усмеваются, и тушки летят в мусорный бак, а желтые лапки – в полегчавшие охотничьи сумки. Молодые люди встают и идут по парку дальше. Становится жарковато, и птицы прекращают свое пение. Время охоты подходит к концу.

о. Бали, Юго-Восточная Азия

Вечером в «Кафе-Бали» битком. Заведение принадлежит семье французов. Про себя я прозвал это кафе «1812». Порой мне кажется, что здесь одни французы и русские. Я сажусь на диван в дальнем углу. Перед диваном огромный стол, сделанный из цельного куска дерева. Я достаю лэптоп и сбрасываю в него с карточки фотоаппарата сделанные за день снимки. За день я сделал двести пятьдесят фотографий. На них на всех – деревья. Я создаю папку с сегодняшней датой. Заказываю гаспачо и мятный чай. И начинаю внимательно просматривать снимки. Иногда что-то привлекает мое внимание, и я увеличиваю рисунок, пытаюсь разглядеть какую-то закорючку на корневище. Все деревья носят название «баниан». Они огромны, и у них тысяча корней-стеблей, спускающихся от ветвистой кроны к земле. На Бали таких деревьев не счесть. Или почти не счесть. Я уже отфотографировал около трехсот. Думаю, что это только десять процентов, не более. Некоторые деревья на снимках обвязаны платками в черно-белую клетку, символ гармонии добра и зла, на некоторых в кронах установлены маленькие храмы, некоторые огорожены декоративным заборчиком. Есть и совсем дикие, без следов вмешательства в их жизнь человека. Дерево баниан считается на Бали священным. Некоторые почитаются почти как религиозные сооружения.

– Я смотрю, вы фотографируете деревья баниан, – замечает официантка, принесшая гаспачо. – Красивые снимки. Вы фотограф?

– Чуть-чуть... – бурчу я, отодвигая от нее экран лэптопа.

– Ой... Простите. Это, конечно же, не мое дело. Просто красиво... Вам чего-нибудь еще принести?

– Нет. Пока нет. Спасибо.

Официантка уходит, а я стараюсь прикинуть, сколько человек уже обратили внимание на мою деятельность и сколько из них не забудет об этом через какое-то время. Мы живем в очень густонаселенном мире. Нас постоянно окружают люди. И детали... Детали нашей жизни им иногда важнее, чем нам самим. То, что нам кажется самым естественным и обыденным, позже могут написать в графе «Особые приметы». Нас не обучали конспирации, но нам и не говорили, что вокруг нас одни шпионы, и все твои жесты, фотоснимки и нечаянно брошенные фразы все время фиксируются в чьей-то памяти. Нужно быть осторожнее. Нужно быть еще тоньше и незаметнее. Иначе однажды можно проснуться вовсе не той, что тебе нужно, знаменитостью.

Я делаю большой глоток чая и продолжаю сосредоточенно изучать снимки деревьев. Я ищу какую-нибудь подсказку, но все тщетно... На моих фотографиях нет ничего такого, чтобы могло хоть как-то подсказать или намекнуть, что вот это дерево – то самое. Нужно продолжать поиски. Время пока есть. Время есть, но вот с деньгами как-то не очень. А где я возьму денег здесь, на Бали, пока не совсем понятно. Бали это не Макао... эхх Макао... Надо было задержаться там чуть дольше и сорвать еще больший куш. Сейчас бы не сидел и не грыз нервно ногти.

Бали – остров мусульман и хинду. Здесь нет азартных игр. А потому я понятия не имею, где мне брать деньги, когда они кончатся. Если ты в другой стране, за десяток тысяч километров от дома и ты не можешь никому позвонить и попросить выслать хоть какую-то сумму «вестерн юнион», потому что тебе стыдно, потому что у тебя почти не осталось друзей, потому что никто не понял твоего поступка, и самое ужасное, что и никогда не поймет. Даже родители... Даже они считают, что ты отвратительная бессердечная тварь... Если думать об этом, то картинка перед глазами как-то сама собой начинает мутнеть. Чушь все это. Я делаю то, что считаю нужным. Потому что это мой путь и мой последний шанс. И им всем этого

не объяснить. Они не поверят, как не поверили и тогда. А потому нужно расслабиться и не паниковать. Выручать меня некому. А потому паника тут не к месту.

Я быстро съедаю гаспачо. «Почти как в Барселоне», – проносится у меня в голове. Откидываюсь назад, удобно тону в мягкой спинке дивана. Закрываю глаза и вспоминаю, как мы кормили голубей на площади Каталонии. Чертовы бесстыжие птицы вырывали хлеб и зерна из рук, ничего не страшась и не стесняясь. Они царапали кожу рук своими коготками и больно тыкали клювами в ладони, промахиваясь мимо корма. Били крыльями по лицу... а я стоял и улыбался. Никогда после я не чувствовал себя вот так – словно вернулся на мгновение в детство. Серые городские летающие крысы плотно засели у меня в голове, как символ моего дошкольного периода жизни. Почти так же я кормил голубей у себя во дворе лет двадцать пять назад. И был счастлив от того, что птицы безбоязненно берут корм у меня из рук. Площадь Каталонии, холодный томатный суп – мои машины времени. Умей я перемещаться назад по-настоящему, меня не было бы здесь сейчас. Я давно бы уже все исправил...

Я допиваю чай и, не прося счет, кладу уже известную мне сумму под пепельницу и выхожу из кафе.

Можно устроиться на работу. Только вот на какую? Кто согласится терпеть мои постоянные скитания по острову? Я могу, конечно, сделать небольшой перерыв и месяц посвятить себя группам русских туристов, трудясь гидом у каком-нибудь местного туроператора. Но это не приблизит меня к цели ни на шаг. К тому же денег, что я заработаю таким образом за месяц, вряд ли хватит больше чем на тот же самый месяц жизни. Это будет вечный замкнутый круг. И мне придется прекратить свои поиски. Конечно, есть еще вариант Макао. Но чтобы вернуться туда, нужно делать визу. На все эти движения сейчас практически нет ни средств, ни времени. Ведь я совсем не знаю, сколько его у меня. Возможно, оно уже вышло, и все бессмысленно... Но даже это мне неизвестно.

Я вновь и вновь гоняю все эти мысли в голове. Бреду по улице Оберой без какой-либо цели. Просто потому, что прогулка успокаивает. Вот дойду сейчас до океана и что-нибудь придумаю. Я всегда что-нибудь да придумывал. Больше полугода назад улетел из Москвы лишь с двумя тысячами долларов в кармане и до сих пор не умер с голоду. Придумал же я «что-нибудь» и в Гонконге, и в Сингапуре. И в Джакарте... Придумаю что-нибудь и на Бали...

Так, сам того не замечая, я оказываюсь в Ку-Де-Те. Пляжный клуб на берегу. Я присаживаюсь на деревянную ступеньку в углу и игнорирую взгляды официантов. Пожалуй, обойдусь без коктейлей.

Океан сегодня будоражит. Одна за одной идут большие волны. Они ломаются метрах в пятнадцати от берега, и белая пенистая масса несется к черному песку. На берегу прыгают дети. Они забегают в океан по пояс и с визгом убегают от катящейся на них громады. Иногда их накрывает с головой, и на мгновение они исчезают из виду. Но тут же выныривают и с визгом выбегают на берег. Три мальчика и одна девочка. Всем лет по шесть-семь. Мальчики итальянцы, а девочка, наверное, русская или откуда-то из Восточной Европы.

Вдруг я понимаю, что нужно встать и идти. Я бросаю свой рюкзак с драгоценным ноутбуком на ступеньке и быстро, почти бегом, спускаюсь к морю. Проходя мимо компании русских, удобно устроившихся с шампанским и закусками на лежаке с видом на океан, я слышу краем уха, как женщина, видимо мать девочки, восклицает: «А где Ирочка?» Я бегаю вниз по ступенькам. В одежде вхожу в воду и прыгаю навстречу накатывающей огромной волне. Я что-то пытаюсь схватить руками. Что-то, что вот-вот навсегда заберет океан. Я понимаю, что уже глубоко и что меня самого вот-вот может накрыть, перевернуть, закрутить и сломать. Я вижу перед собой начинающийся преломляться соленый пик. Он нависает надо мной, угрожающе закрывая закатное солнце. Я ныряю вперед. Прямо внутрь, чувствуя, как по моим пяткам проносится пенный поток силой в тысячи сутенерских джакузи. Я

вытягиваю руку вперед и хватаю что-то. Хватаю и тяну наверх. Тяну как могу. За волосы. Меня всего трясет от страха и перевозбуждения. Адреналин не дает мне нормально грести на поверхность. Но я делаю пару сильных рывков и вот уже под ногами опять дно. Я цепляюсь, словно когтями, большими пальцами ног за песок и мелкие истертые волнами камни, я вырываюсь наружу, удачно поймав накатывающий на берег очередной пенистый поток.словно ангел с белыми крыльями из океанской пены я выношу на берег перед всей изумленной Ку-Де-Той блюющего соленой водой светловолосого ребенка. Спотыкаюсь, падаю и уже в падении передаю тельце подбежавшей, испуганной матери. Занавес.

Пока спасатели, они же секьюрити, откачивают дитя, я сижу на берегу и пытаюсь восстановить ушедшее в пятки дыхание. Первая мысль, которая приходит мне в голову, что мои последние деньги, наверное, жестко промокли в карманах шорт. Я достаю измочаленную пачку стотысячных рупий. Некоторые из них порваны, но некоторые можно высушить и их наверняка удастся использовать по назначению. В крайнем случае, их примут в банке.

Испуганная мать мечется вокруг откашливающегося ребенка. Ее подруга, красивая блондинка в белом купальнике, орет на менеджера, который слишком долго вызывает неотложку. Толпа зевак отгораживает меня от моего драгоценного рюкзака. Мне нужно встать и найти его, пока кто-нибудь, кому наплевать на «плохую карму», не стащил мою самую важную вещь – ноутбук с тысячами фотографий проклятых, таких похожих друг на друга деревьев. Но я почему-то не могу встать. У меня слабость в ногах и трясутся руки.

– Я могу что-нибудь для вас сделать? – говорит мне какой-то мужчина по-русски.

– Дайте мне сигарету.

Он протягивает мне пачку красного «Мальборо», и я сам лезу в нее мокрыми руками, порчу соленой водой чуть ли не все ее содержимое. Потому что с меня льет и потому что пальцы мои пляшут, будто играют собачий вальс на рояле. Но я все же выуживаю одну сухую сигарету и подношу ее к губам. Тут же откуда-то появляется пламя зажигалки. Другой мужчина, видимо друг этого, помогает мне прикурить.

– Я серьезно. Что я могу для вас сделать? Все-таки вы спасли жизнь моему ребенку!

Я делаю две глубокие затяжки. Кашляю и делаю еще одну. Потом смотрю на мужчину в пляжном костюме от Ральфа Лорана. На его золотые часы. На его выгоревшие от солнца рыжие волосы на груди. Потом поднимаю взгляд выше и, глядя ему прямо в серые глаза, спокойно и холодно говорю:

– Мне нужны деньги. Меня вполне устроят четыре тысячи долларов. По-моему, это более чем адекватная плата за спасение вашей дочери.

* * *

Мой океан всегда у меня внутри. Я всегда знал, какой он. Сильный, ласковый, коварный, мудрый – мой великий Царь. Он не может быть хорошим или плохим. Он над возможностями суждений. Его нужно принимать таким, какой он есть. И любить. Или не любить, но тогда стоит держаться от него подальше.

Когда-то я мечтал увидеть настоящий океан. Я вырос на большой реке. Я боготворил ее, но благодаря книгам Стивенсона и Рафаэля Сабатини всегда грезил оказаться на настоящем океане. Потому что я всегда думал, что это судьба. Вот бывает так. Мальчик, родившийся в городе на Волге, однажды должен был увидеть и сделать что-то очень важное для самого себя на берегу океана. Хорошая завязка для детской сказки. Эта сказка про меня.

Я сижу на берегу в Чангу – район на юго-западе острова. Здесь черный вулканический песок и множество спотов – точек катания серферов. Я жмурюсь, потому что от воды отражается солнце, ошалело жарящее сверху чуть позади меня. Я еле дышу. Я слушаю, как дышит океан. Как его грудь поднимается и опускается ровно. Я слышу, как с легким шурша-

нием он перетирает во все более и более мелкую пыль прибрежный вулканический песок. У меня закрыты глаза, но я все равно все вижу. Потому что океан давно у меня внутри.

Раннее утро. Время большой воды. Волны чудовищны. Они идут – одна за одной, и, прежде чем сломаться и превратиться в роскошную белоснежную пену, они скручиваются идеальной бирюзовой трубой, в которой запутывается солнечный свет, окрашивая водную поверхность в немыслимые оттенки голубого и зеленого. Я встаю, беру доску и иду навстречу волне. Погружаюсь примерно по пояс и ложусь на доску. Начинаю грести от берега. Каждые восемь-десять секунд на меня накатывает бурлящий поток. За мгновение до того, как он должен накрыть меня и сбить с курса, я пронырываю под него, погружаясь под воду вместе с доской. Я просто переносу свой вес вперед, беру доску за нос и погружаюсь в воду вместе с ней. Тут же вынырываю и продолжаю свой путь, пока не доплываю до того места, где волна начинает преломляться. Нет, даже чуть дальше. Так, чтобы можно было без опаски покачиваться на этих огромных живых горах. Расслабленно ждать своей зеленой волны, сидя верхом на доске. Я вглядываюсь в даль и вот узнаю ее. Она чуть выше других, а потому свет глубже проникает в нее, окрашивая в зеленый цвет. Потому ее и называют Green Wave. Она возвышается над соседними. Она яростнее. Она сильнее. Сейчас я уверен, что она родилась где-то там, в сердце Индийского океана, и тысячи километров мчалась на восток, лишь для того, чтобы здесь встретить меня и бросить мне вызов. И чтобы я попытался покорить ее.

Когда до нее остается метров десять, я ложусь на доску и начинаю грести к берегу. Мне нужно разогнаться до ее скорости. Только так я смогу поймать волну. Я чувствую, что почти достиг желаемого, но тут же понимаю, что этого «почти» не хватает, а заднюю часть доски уже начинает поднимать вверх, и волна уже почти подо мной. Мне становится страшно. Страшно от того, что могу пропустить ее... я проиграю, даже не приняв бой, а потому изо всех сил гребу руками. Три бешеных по своей истеричности и силе гребка, и вот меня подхватывает какая-то сила, сравнимая лишь с тысячей грузовиков, из тех, что гоняют по автодрому, демонстрируя волшебные гоночные качества при исполинской мощи и размерах. Она подхватывает меня и почти заглатывает в свою пасть, но я делаю движение доской вправо и скатываюсь по ее боку в сторону. Я мчусь по ее блестящему бирюзовому склону и слышу, как прямо за мной волна начинает скручиваться в трубу. Ощущаю плечом колющие брызги, качу по самому краю. Я знаю – замедли я чуть движение, как меня тут же накроет. Мне даже уже кажется, что все, пропал! Я пригибаюсь и нарочно, правой рукой, указательным пальцем разрываю идеальную водяную пленку, разрушая правильную геометрию. Я чувствую, что лечу уже внутри этой водяной трубы, и любая ошибка может привести к травме или поломке доски, но страха я не ощущаю. Скорее эйфорию. Вот я немного меняю угол движения и прибавляю скорости. Резким броском переносу центр тяжести вперед и вырываюсь из блестящего бирюзового туннеля наружу. Но тут же вижу, как навстречу мне мчится такой же завернутый хвост другого водоворота. Это западня! Выхода нет! Но я дергаю нос доски вверх и, взлетая сантиметров на тридцать в воздух, вырываюсь из ловушки, пропуская под собой сомкнувшиеся ни с чем загробушие руки океана. Я падаю в теплую соленую волну и улыбаюсь, так что добавляю своему лицу новых «клоунских» морщинок. Я буквально захлебываюсь от адреналина и позитивных эмоций. Я кричу океану «Эгегей!» Я счастлив. Правда. Это мое маленькое счастье. Это мой стопроцентный побег от всего. Я ложусь на доску и, подхватив пенистый поток, скольжу к берегу. Выбегаю и падаю на песок. Стягиваю с себя мокрую черную серферскую футболку. И ложусь на спину, ловя кожей ласковые, но немного колющие горячие лучи солнца.

– Неплохо для новичка, – говорит женский голос у меня за спиной по-английски. Акцент указывает на то, что обладательница голоса должна обладать азиатской внешностью. Скорее всего, она китаянка. У них свой, особый английский.

– Почему новичка? Я катаюсь уже давно, – отвечаю я голосу, не открывая глаз и не поднимая головы.

– Потому что вы здесь около трех месяцев. И встали на доску, когда приехали сюда. Вы тот человек, что фотографирует деревья. А еще вы спасли вчера ребенка в Ку-Де-Те.

Бали – на самом деле маленькая деревня. Здесь все всё знают друг про друга.

Я поднял голову и посмотрел на нее. Такой красивой азиатки я еще не видел. Или видел, но, скорее всего, только в японских мультиках «манга». Наверное, мой взгляд и моя слегка поехавшая вниз челюсть были весьма красноречивы. Девушка в замешательстве опустила глаза.

– Мы встречались раньше? Не отвечайте... я и так знаю, где... С вас рисуют девушек на обложки дисков Hed Kandi. Скажите, вы, наверное, позировали Джейсону Бруксу,¹ когда он создавал эти сказочные образы? Только в жизни вы много лучше.

Она засмушалась. Азиаты не говорят друг другу такие прямые комплименты. В этом все их проблемы.

Слишком много чувств внутри. Слишком мало их ярких внешних проявлений.

– Если здесь все друг про друга знают, почему же я вообще не в курсе?

– Возможно, вы слишком увлечены своими деревьями. И ничего не замечаете вокруг... Хотя... Ведь вы знали заранее, что девочка будет тонуть. Не правда ли? Я видела. Я была вчера в Ку-Де-Те. Я точно помню, что вы встали и пошли в океан до того, как ее накрыло волной. Я наблюдала за вами.

Солнце вдруг резко стало светить в два раза ярче. Мне захотелось посмотреть на свою собеседницу, но меня слепило так, что я не мог поднять на нее глаз. Пришлось встать. Я весь в песке, в мокрых шортах. Она почти моего роста, в легком платье с узорами. Такие платья не носят местные девушки. Оно выдает в ее обладательнице обеспеченную туристку. Она стоит напротив, и мы смотрим друг другу в глаза.

– Вы ошибаетесь. Возможно, мне просто показалось что-то, я и пошел. Так бывает, счастливая случайность. И это спасло ей жизнь. Значит, кто-то там наверху захотел, чтобы я сделал это. – Я улыбнулся, пытаюсь обратить свои слова в шутку.

– Именно об этом я вам и говорю. Вы знали, что она будет тонуть и бросились в море. Если бы вы пришли на помощь после того, как увидели, что она тонет, вы бы не спасли ее. Ее бы утащило в океан. – Она смотрит мне в глаза пристально-пристально, даже не моргая. И тон ее серьезен, как может быть серьезен только тон китайки-аристократки, привыкшей с детства командовать людьми.

– Не буду с вами спорить. Пусть будет так. Будем считать, что мне и ей повезло, – отступил я.

– Ей – да. Но не вам. Я же говорю, вы точно все ЗНАЛИ. Я знаю вас. Я была три месяца назад в том казино в Макао. Вы выиграли, кажется, двадцать четыре раза подряд! Правда, ставили не много. Но, тем не менее, срубили больше десяти тысяч. И я помню, как вы это делали. Я запомнила вас.

– Запомнили? Выходит, я вам сразу понравился? – Я пытаюсь перевести разговор на другую тему.

– Возможно... Так вот. Тогда вы тоже знали, на что надо ставить. Вы просто стояли в центре зала и ждали. А потом бежали к одному из столов и ставили фишки на конкретное число. – Она предельно серьезна, а я думаю сразу о нескольких вещах. Я думаю, как же она, блин, красива, как вообще может быть такая красота, откуда она берется, черт подери. А еще я думаю, что, собственно, происходит? Какого, спрашивается, мы стоим здесь и обсуждаем

¹ Известный британский дизайнер, чей стиль гламурного рисунка распространен сейчас во всем мире. – *Здесь и далее примеч. ред.*

мой скромный выигрыш в казино? А еще я думаю, что она знает что-то, чего не знаю я. И, возможно, это знание очень нужно мне.

– Я всегда так играю. Прислушиваюсь к интуиции. Если бы вы наблюдали за мной дольше, то вы бы знали, что потом я часть денег проиграл. Моя интуиция все-таки меня подвела.

– Именно об этом я и хотела с вами поговорить. Я знаю точно – вы проиграли специально. Чтобы никто ничего не заметил. Это доказывает, что все несколько сложнее, не правда ли? – Она впервые улыбнулась. Но не так, как любят улыбаться азиаты, во весь рот, а им очень не идут такие улыбки. Она улыбнулась, чуть дернув вверх уголки своих губ и чуть прищурив глаза, и улыбка эта вышла у нее просто восхитительно. Мне подумалось, что она долго тренировалась перед зеркалом, прежде чем научиться выдавать вот такую идеальную улыбку.

– Хорошо, сдаюсь. Мы можем поужинать и поговорить об этом. – Я лукавлю. Ни о чем таком я говорить не собираюсь.

– Мы поужинаем. Но я хотела вам сказать одну вещь: вы не справитесь один. Чтобы вы там ни задумали, одному вам это не потянуть. Вам нужен сообщник. До свидания. – Она повернулась и пошла с пляжа.

– Эй! И как же я вас найду?! Оставьте мне свой номер телефона хотя бы!

– Найдете. У вас же такая интуиция. Я буду вас ждать сегодня вечером в одном из ресторанов. – Она обернулась, очень театрально помахала мне своей тонкой рукой и исчезла, шагнув за линию пляжа.

Я плюхнулся на песок. Мне казалось, будто все это уже было когда-то, потому не испытывал никакого чувства беспокойства. Нарисовав на песке какой-то знак, стер его, смахнув рукой. Потом вдруг, повинуясь внутреннему чувству, написал на песке имя незнакомки. Вывел – МИА. Не знаю, откуда, но я точно знал, что девушку зовут именно так.

Нью-Йорк Незадолго до этого

Утро в Нью-Йорке наступает много позже. Земля лениво переворачивается на другой бок и подставляет этот город под солнечные лучи. Свет проникает в большое мансардное окно художественной студии. Внутри почти нет мебели, кроме мольберта, укрытого от посторонних глаз белой тканью. Есть еще стул и стол. На столе лежит множество кистей, палитра, карандаши и тюбики с краской, стоит чашка с чаем. Из чашки тоненькой струйкой тянет вверх ароматный пар. На стуле сидит человек лет тридцати и задумчиво смотрит на укрытый тканью мольберт. Он морщит нос. По его выражению лица видно, что внутри происходит какая-то странная борьба. Художник встает со стула, подходит к картине, уже поднимает правую руку, чтобы сдернуть покрывало, но тут же отходит в сторону, грызет ноготь на большом пальце правой руки. Ногти у него все изгрызены. Пальцы длинные тонкие. Волосы заканчиваются чуть выше плеч. На нем серая рубашка с коротким рукавом и заляпанные краской светло-голубые джинсы. Обуви нет. Художник шлепает по гладкому паркетному полу босиком обратно к своему стулу и снова садится. Сидит он с прямой спиной. Плечи расправлены. Он очень сосредоточен. Иногда вдруг водит пальцами в воздухе, будто играет на каком-то воображаемом инструменте. Потом встает и, полный решимости, сдергивает ткань. Отходит к столу. Берет одну из кистей и, взяв на нее немного краски, наносит несколько еле заметных голубых линий. Потом замирает напротив своей работы, сложив руки на груди, и долго смотрит на нее, пытаясь найти хоть какой-нибудь изъян. Но ничего такого нет. Картина идеальна. На ней изображены огромные нежно-голубые часы, медленно погружающиеся в закатный океан. Море как живое. Оно дышит. А часы... Они наверняка идут. Стрелки должны двигаться. Просто мы сейчас выхватили одно мгновение и потому не в состоянии увидеть следующие. Мы просто знаем, что они показывают наше с вами время. Стрелки показывают без пяти шесть. Где-то, в какой-то части земли, – это время заката. Человек подходит к столу и достает из ящика мобильный телефон. Включает его и быстро набирает пин-код. Телефон играет приветственную мелодию и через несколько секунд находит сеть. Человек набирает чей-то номер и говорит в трубку: «Я закончил вторую работу. Нужно сделать так, чтобы все ее увидели». Он выключает телефон и уходит с мансарды. Спускается этажом ниже. Там кухонька и огромная спальня. Простая деревянная здоровенная кровать с огромным пологом-навесом. Мужчина падает на кровать и практически сразу же засыпает.

Нью-Йорк 1956 год

– Вильям! Вильям! – кричит женщина – Постой! Или мне придется наказать тебя!

Но мальчишка не останавливается – бежит что есть силы по длинному коридору, грубые ботинки гулко стучат по паркетному полу. Коридор кажется бесконечным. Справа и слева массивные двери. Так похожие на двери в кабинет стоматолога, куда мать водила его несколько дней назад. Вильяму не хочется открывать ни одну из этих дверей и потому он бежит мимо. Возможно, все не так, и там, за ними, нет человека в белом халате и металлического кресла тоже нет. Даже, возможно, никто не будет вырывать ему зуб, грубыми и резкими движениями, вцепившись в эмаль плоскогубцами кусачками. Наверняка это просто болезненная ассоциация, засевшая в юное сознание, но проверять что-то не хочется. А потому – бежать и бежать по коридору! Но дверям и конца не видно. Сорванец уже понимает, что вот-вот он выбьется из сил и упадет напротив одной из дверей. И тогда, кто знает, может быть, сбудутся все самые дурные опасения. И Вильям собирает всю волю и бежит, бежит, бежит... А сил уже нет. И нет воли. Но страх гонит его вперед. Кровь пульсирует в ушах, а в боку колет уже не на шутку. Упасть бы и отдышаться, но как отважиться на это? И вот когда уже темнеет в глазах и резь в животе становится нестерпимой, в конце этого отвратительного холодного коридора появляется какое-то свечение. А вместе с ним появляется надежда, что отсюда есть выход на улицу или, если предположить, что это один из верхних этажей, хотя бы на пожарную лестницу. И Вильям ускоряет бег. Он буквально летит, будто тяжелые ботинки вдруг потеряли свой вес и больше не тянут к земле. Ему даже кажется, будто гул его шагов становится тише, настолько, что можно подумать – не человек он вовсе, а привидение. Так беззвучны его шаги. И вот он буквально влетает в свет, думая, что выскочит на балкон или на крыльцо. Но нет. Он просто вбегает в светлое пятно, похожее на облако. Мальчик останавливается в растерянности. Куда же бежать дальше? Вокруг него какая-то плотная светящаяся субстанция. Похожая на густой пар. Только пар обычно имеет какое-то движение и не так однороден. Этот же как кисель. Как расплавленный жидкий пластик, если представить себе, что пластик может быть таким холодным и таким мягким.

Вильям понимает, что он сейчас почти как та елочная игрушка, которую мать всегда убирает в специальный ящик, битком набитый ватой. Оказался в каком-то замкнутом пространстве, наполненном этим паром-желе. Сиди не дергайся. И он замирает в ожидании, ощущая кожей, как субстанция постепенно заполняет все пространство вокруг него, как бы снимая с него безукоризненный слепок. Вильям почти не дышит. Ждет, что-то должно случиться. И это что-то случается. Мальчик слышит, что позади него кто-то есть. Кто-то не знакомый ему. Не человек и не животное. Кто-то... Вильям оборачивается, но никого не видит. Лишь густая светящаяся пелена. Он спрашивает:

– Кто здесь?

Но в ответ тишина.

– Кто здесь?! – повторяет мальчик. – Я вас не боюсь!

И тут он слышит тихий шепот, похожий на шепот воды в ручье. Еле слышное звенящее серебряное журчание, в котором, лишь включив всю детскую фантазию, можно разобрать слова.

«И не надо бояться, – говорит переливающийся всеми нотами серебряный голос. – Здесь ты самый главный, Вильям. Здесь ты можешь почти все. Не нужно бояться. Это ведь просто сон. А сны – это нечто очень важное для тебя. Очень скоро ты поймешь это. И когда-нибудь мы обязательно подружимся...»

«Я самый главный, – проносится у Вильяма в голове. – Значит, пусть все будет так, как я хочу. А я не хочу туман!»

И туман исчезает. Мальчик оказывается на залитой солнцем крыше их старого многоэтажного дома. Метрах в десяти от него стоит выстроенная дядей Билом голубятня. Мальчишка подходит к клетке и открывает дверцу.

– Вылетайте! Давайте! Смелее! – кричит он птицам и выпускает в небо всех до одной. Он смотрит, как голуби нарезают неровные чуть дерганные круги над домом. Как на мгновение, пролетая в солнечном свете, их перья вспыхивают золотом и тут же гаснут, превращаясь в серебро и мел. Вильям смотрит на птиц и понимает, что он не просто выпустил на волю без спроса дядькиных голубей. Он сделал что-то очень важное... Важное вообще для всех.

о. Бали, Юго-Восточная Азия

Нам всем нужна вера в то, что мы особенные и что именно мы творим историю. Что мы и есть главные герои нашего фильма. А героев не убивают в первой серии. Так что еще должно случиться много чего, прежде чем мы почувствуем приближение финала. Это ведь здорово – быть героем собственной истории. Смотреть в свое прошлое, как в содержание предыдущих эпизодов, и твердо верить, что в моем-то фильме обязательно будет хеппи-энд.

Никому и в голову не приходит, что он лишь герой эпизода. Например, тому парню, которому оторвало голову здоровенной каменной плитой. Наверняка он думал, что он главный, и это мгновение лишь середина чего-то большего. Но плита сорвалась, а он просто ехал мимо на мопед. Катил себе домой в нескольких метрах от меня. Прибавь я газу – вместо него лежал бы сейчас под обломками камня.

Рабочие при помощи какого-то допотопного крана тянули плиту-перекрытие вверх, и она нависала прямо над дорогой. А потом вдруг один из тросов оборвался, и плита, словно гигантский молоток, устремилась вниз с такой силой, что просто снесла парню голову в шлеме. Тело еще проехало какое-то расстояние на мопед и рухнуло, а потом сверху на него упала окончательно освободившаяся от тросов плита. Голова в шлеме отлетела в сточную канаву. Вот такое вот дежавю... Я говорю об этом в прошедшем времени. Хотя должен говорить в настоящем. Я говорю об этом в прошедшем, потому что не могу признаться, что этим парнем должен быть я. Я говорю так, потому что впервые в жизни я поступаю малодушно. Увидев свое будущее в дежавю, я пропускаю вперед человека, намеренно прижимаясь к обочине, уступаю ему право умереть вместо меня... Мы подъезжаем к крану и строительным работам. Я еду впереди, но прижимаюсь вправо, пропускаю его вперед. О чем я думаю? О чем? Почему я не кричу: «Стой! Тебя сейчас убьет!»? Не знаю... Возможно, потому, что я просто потрясен. Потрясен тем, что вдруг выясняется, что я вовсе не главный, что я смертен, и еще выясняется, что я малодушен и труслив. Потому что я еще никогда не умирал за правду. Потому что я не мог предположить, что какая-то балка может снести мне так запросто голову, и она, словно мусор, отлетит на обочину... Я пропускаю его вперед и закрываю глаза. Практически сразу же сбавляю газ за мгновение до страшного грохота и криков. Я останавливаюсь в каких-то метрах от раскоряченного железобетона и распростертого на асфальте, дергающегося в нервных спазмах тела. Я не могу на это смотреть... Я разворачиваю мопед и просто еду в другую сторону. Не каждый день тебе дается возможность уступить свою эпизодическую роль «смерть на дороге» кому-то другому... И тут становится так грустно и одиноко, что хочется сдохнуть. Хочется отмотать все назад и проехать вперед. Хочется, чтобы все шло так, как должно было идти... Без этого чуда, без этого моего дежавю, спасшего меня от верной смерти, без этого моего малодушия. В конце-концов, тогда бы уже все прекратилось, и я смог бы наконец расслабиться. Тогда... Когда? Когда бы лежал сейчас, дергая левой ногой в мокрых шортах из-под тонны железа и бетона.

Хочется с кем-то поговорить об этом. Хочется закричать в лицо: «Я чуть не сдох только что! Я тварь! Я уступил право сдохнуть кому-то другому! Тому, кто не должен был подыхать вот так вот! Я тварь тварь тварь! Но я хочу еще немного пожить... Это все инстинкт. Если ты знаешь, что там конец, ты не пойдешь туда. Это все инстинкт самосохранения... так устроены мы. Всегда готовы поменять смерть на жизнь. Всегда!»

Но мне некому кричать все это в лицо. Некому расплакаться на плече. Все мои приятели здесь – просто фон для жизни. Они никто. И я никто для них. И это ранит сильнее, чем плита, упавшая на голову. Это режет сильнее, чем рваный кусок трубы, вылезший из бетонной оправы. Это данность, с которой нужно жить дальше. Которая не даст тебе забыть, кто ты, ни на секунду.

Я качу в ближайший бар. И несмотря на то что сейчас только полдень, заказываю двойную порцию вискаря. Я выпиваю его залпом и киваю своему отражению в зеркале за барной стойкой. «Чертов везунчик! Однажды тебе так не повезет. Однажды... Однажды тебе придется быть самим собой до конца!»

* * *

Если ты о чем-то не знаешь, это не означает, что этого нет. Есть множество вещей, которые существуют на планете без всякого твоего вмешательства. И сейчас, возможно, происходят какие-то крайне важные события, о которых ты не имеешь ни малейшего понятия. Ты не читаешь о них в новостях, не просмотришь обсуждения в Интернете. Но они происходят. Нужно привыкнуть к этому. Нельзя объять этот мир. Нельзя уследить за всеми его движениями. Такова реальность.

А есть события, о которых ты просто не хочешь знать. Они вроде бы на виду и вроде бы тоже важны. Но ты отбрасываешь в сторону всякую информацию о них. Потому что что-то внутри тебя блокирует всякий интерес. Потому что на самом деле ты связан по рукам и ногам. Потому что ты сам ведом. Ведом в бездну. Кем? Да хрен его знает... Сегодня 267-й день. Я чуть не умер от несчастного случая... и я повстречал очень красивую китаянку, которая знает меня. Видела меня в Макао и вообще ведет себя интригующе странно. Я пойду с ней ужинать, пока неизвестно в какой ресторан. И эту запись в дневнике я делаю потому, что мне очень плохо и тревожно. Очень. Мне хочется поговорить об этом, хоть с кем-то. Хотя бы с самим собой...

Нью-Йорк Незадолго до этого Перед презентацией второй картины Херста

Быть менеджером художника дело крайне хлопотное. Особенно если твой клиент настоящий гений. Нет, не какой-нибудь там выскочка, кого признает гением горстка извращенцев, ведущих божественный образ жизни, запутавшихся в собственных мироощущениях. А гений, чей талант очевиден любому и заставляет каждого терять дар речи и наполняться глаза слезами. Но гении – люди не простые. Этот – спит и работает, спит и работает. И отказывается от персональной большой выставки. Ему нужно, чтобы каждая его новая работа представляла перед людьми немедленно. Это непросто. И по меньшей мере странно. Особенно если пока у него была лишь одна такая картина. Одна. Но ее было достаточно, чтобы все вокруг сказали, что Вильям Херст – гений. Такого не бывало ранее. Чтобы что-то, нанесенное на холст, передавало *такие* чувства и *так* поражало разум зрителя. Казалось бы – обычные статичные картинки, холст, грунтовка, масло, но все не так просто. От картины Херста исходила буквально сбивающая с ног энергетика. Стоило лишь показать первую работу миру – и за право выставлять ее уже дерутся крупнейшие музеи. А теперь готово второе, возможно еще более успешное, произведение. Художник нарисовал само Время. Каково это – суметь нарисовать то, что нарисовать невозможно?

Джеймс Хук закончил с отличием Художественную академию, но даже он не представлял себе, что же увидит на новом полотне своего подопечного. Джеймс всегда мечтал стать художником, но не имел для этого способностей, а потому стал арт-менеджером, здраво рассудив, что лучше быть возле лучших, чем одиноко волочиться где-нибудь в хвосте.

Джеймс сидел за столиком в кафе и задумчиво разглядывал свой мобильник. Только что ему позвонил Херст, он хотел, чтобы новая картина немедленно предстала перед зрителями. Джеймс же испытывал по этому поводу некоторое беспокойство. Что-то внутри его противилось и кричало: «Беги, Джеймс, беги!» Но он никуда не бежал. Он хмурил брови и пил чай в кафе. Он думал о странностях Вильяма Херста и о силе его искусства. О том, что первая его картина «Вестники утра», на которой изображались скворцы, охваченные пламенем, подкрашенные красным рассветным заревом, превращающимся при соприкосновении с черным опереньем в живой огонь; эта первая его картина, тогда еще совсем неизвестного художника, заставила опытного арт-менеджера и галериста Джеймса Хука опуститься на диван и замороженно замолчать. Просто сидеть и молчать. И смотреть, как проклятые скворцы сжигают предрассветный мегаполис. Ничего подобного Джеймс в своей жизни еще не испытывал. Никогда.

Ни в Лувре, ни в Эрмитаже. Да, безусловно, творения великих мастеров бывало заставляли открывать рот и не дышать какое-то мгновение, но чтобы так – никогда. Это был просто вселенский катарсис. Неудивительно, что, когда Джеймс по просьбе Херста организовал телевизионную презентацию работы на крупном нью-йоркском телеканале, весь город замер на несколько минут. Просто встал. А на следующий день к маленькой, никому ранее не известной галерее «Пикассо» потянулись люди. Выстроилась гигантская очередь. Такая, что приехала полиция и попыталась хоть как-то навести порядок. Но очередь все росла, и, когда стало ясно, что людей гораздо больше, чем сможет пропустить через себя выставочный зал даже за неделю, Джеймса охватило странное чувство. Да, это был невероятный успех. Но Джеймсу было страшно. Он боялся этого безумного успеха. Он боялся этих людей, которые, как заколдованные, часами стояли под дождем, чтобы попасть внутрь маленького душного помещения и простоять свои пять минут перед «Вестниками утра», а потом выйти

со слезами на глазах и побрести куда-то в полнейшей прострации. А еще Джеймс боялся, что Херст попросит его продать картину. Хотя это была бы самая логичная просьба в данном случае. У Херста не было ни гроша за душой, а невероятный успех гарантировал, что работа будет продана за сумму с пятью нолями. Этот успех без всяких сомнений обернулся бы существенным пополнением банковского счета и самого Джеймса, которому надо было оплачивать свои огромные текущие расходы. Но Джеймс не хотел продавать картину. Он боялся, что купивший ее коллекционер спрячет шедевр от посторонних глаз в своем маленьком частном музее, и никто больше, а главное сам Джеймс, не сможет смотреть в это смещающее сознание предрассветное небо. И на этих птиц... А потому Джеймс сразу же начал вести переговоры с музеями. Картина могла принести деньги и другим способом. Она могла отправиться в тур по галереям. Чтобы больше и больше людей могли увидеть ее. Чтобы весь мир узнал о таланте Вильяма Херста и о его успешном менеджере. И что бы ни случилось, Джеймс всегда сможет смотреть на картины Херста. Да, да, да.

А еще галериста переполняло беспокойство относительно нового шедевра. Обещанное «Время» было сдано в срок. Но что скрывается на холсте за тканью? Потрясет ли эта работа так же, как предыдущая? Или разочарует? Ведь при таком безумном по своей успешности старте сложно держать планку и раз от раза поражать зрителей. Джеймс бы многое отдал, чтобы хоть глазком посмотреть на новую работу Херста. Но, увы, скрытный гений настаивает на том, чтобы первый просмотр опять состоялся по телевидению. На этот раз это не так хлопотно. Более того, два крупнейших в стране канала предложили хорошие суммы за право трансляций и пообещали сделать достаточное анонсирование. Все шло к тому, что скоро Джеймс и его подопечный станут богатыми и знаменитыми. НО, это гигантское НО, засевшее у Джеймса в разуме. Он и сам не знал, что оно означает, что именно вызывало его странную тревогу. Джеймс был опустошен, обеспокоен и подавлен. И сейчас он твердо знал лишь одно – как только Херст закончит обещанный цикл из пяти работ, он, Джеймс, отправится в отпуск.

Хук допил чай и подумал, что, наверное, неплохо было бы все-таки позавтракать. Ведь предстоял безумный по своему накалу день, и кто его знает, когда еще выпадет свободная минутка. Он подозвал официанта и заказал стандартный завтрак заведения. Принесли яйца пошот, тосты и джем. Яйца были меньше куриных и имели ярко-желтую середину. Джеймс вспомнил, что в этом сезоне все как с ума посходили, и в моду вошли яйца скворцов. Джеймс ухмыльнулся. «Интересно, – подумал он, – Херст знал о том, что скворцы так в моде в этом сезоне, или просто попал в точку, или, может, вообще сам создал этот тренд?»

Яйца были вкусными. Тост хрустящим, а абрикосовый джем сладким с легкой кислинкой. Все что надо для хорошего начала утра. Джеймс выдохнул и подумал, что ему просто необходимо успокоиться. Что все идет по плану. Что все будет хорошо. Повторяя себе вновь и вновь, как мантру, «Все будет хорошо», он заплатил по счету и вышел из кафешки. Ему предстояло множество дел. В восемь вечера в галерее «Виктори» была назначена презентация новой картины Вильяма Херста под названием «Время».

о. Бали, Юго-Восточная Азия

«Звонили из банка. Они требуют погасить весь кредит до конца месяца. У тебя чудовищная просрочка. Они грозятся отобрать вашу квартиру. Знаю, что тебе все равно, но подумай о ней! Бедная девочка, она ни в чем не виновата и уж точно не заслужила такой судьбы! Мама».

Первое смс от мамы за полгода. Видимо, дело действительно дрянь, раз она отважилась послать мне сообщение. Проклятая ипотека. Ты можешь сбежать от кого угодно, даже от себя самого на край света, но ты никуда не денешься от банковских обязательств. Они достанут тебя даже в Антарктиде. Когда мы покупали квартиру, я и подумать не мог, что жизнь моя даст такой резкий крен и что мне уже будет плевать практически на все, кроме одного... Я прекрасно понимал, что эта квартира мне сейчас абсолютно не нужна, но вот родители... Они никогда не смогут этого понять.

Когда ты должен кому-то пару сотен тысяч долларов, ты не можешь нормально расслабиться. Это сидит внутри как заноза. И понимание того, что этот долг никак не отодвинуть и от него не сбежать, угнетает невыносимо. Конечно, мне надо было остаться в Макао. В этом райском городе шпионов и грязных денег, блестящих казино и подпольных тотализаторов. За полгода я потихоньку смог бы скопить там достаточно денег, чтобы выплатить все кредиты, и меня бы больше никто никогда не беспокоил. Но что-то мне подсказывает, что я должен торопиться. У меня нет времени на Макао. У меня нет времени на решение дурацких бытовых проблем. Пусть забирают все. Пусть только оставят меня в покое. В конце концов, когда я сделаю ЭТО, все будет уже не важно. Все вернется на свои места. Я достаю телефон из кармана, перечитываю смс еще раз и стираю его. Я постараюсь больше не думать об этом. Постараюсь сделать вид, что и не приходило никакого сообщения. Я выброшу все эти мысли про квартиру в Москве из своей головы. Господи! Где я и где эта квартира? Это совсем другая реальность. Эта смс-ка пришла из параллельного мира, где я, возможно, вообще больше никогда не окажусь.

Я надеваю рубашку и джинсы. В последний раз я наряжался так около месяца назад, когда ходил на какое-то местное светское мероприятие в Самаяя – роскошный вилловый комплекс и ресторан на берегу океана. Тогда я еще испытывал потребность хоть иногда быть в таких местах. Но потом что-то внутри надломилось, и мне стало окончательно наплевать, как я одет. Если подумать, то последние две недели я хожу в одних и тех же шортах и, кажется, уже дней пять не менял футболку. Так что сегодняшний наряд вызывает у меня некоторый внутренний протест. Мне кажется, что я выгляжу нелепо. Мне крайне некомфортно, но, увы, – сегодня я должен быть нарядным. Будет крайне вызывающим прийти на встречу с Миа в образе хипповатого серфера. К тому же мы ужинаем в Саронге, одном из красивейших и самых дорогих мест острова. Откуда я это знаю? Я просто знаю. Миа была права. Моя интуиция подскажет мне многое. Я угадаю ее имя, а также время и место встречи, как бы безумно это ни звучало. Ко всему прочему, я чувствую, что тучи над моей головой сгущаются. Все это не случайно. И эта смс от мамы, и эта балка, раздробившая голову бедняге индонезийцу. Все это как-то связано между собой. Будто кто-то хочет, чтобы я прекратил свои поиски. Остановился, отвлекся, забылся. И Миа... Возможно, она тоже из этой же серии. Друг она или враг пока не понятно. А потому нужно быть великолепным, общительным, головокружительным. Чтобы никто и не догадался, что внутри у меня полнейшее смятение. Чтобы враг хотя бы на мгновение превратился в друга. И дал мне столь важную сейчас информацию. Куда идти? Где искать? Я запутался совсем. А если тот чертов китаец в Гонконге обманул меня? Вдруг все ложь? Вдруг я трачу время впустую? Вдруг у меня заберут все, пока я бегал за несуществующим призраком? Но уже слишком поздно что-

то менять... нужно идти до конца. Когда не знаешь, что делать и особенно страшно, нужно делать шаг вперед, даже если впереди темнота.

Я выхожу из своего коттеджа. Дежуривший у ворот старик одобрительно кивает мне и желает удачи сегодня вечером. Он подзывает мне такси, и я еду в Саронг.

* * *

Когда я только приехал на Бали, больше всего я любил просыпаться за мгновения до рассвета, подниматься на балкон второго этажа с чашкой чая и сидеть в тишине, наблюдая за тем, как небо, покрытое облаками, словно слоями краски с разными оттенками и плотностью, постепенно, не спеша наполняется солнечным светом. Только в эти минуты с балкона были видны горы. Два, почти идеальных, конуса, опоясанные кольцами облаков, словно это и не горы вовсе, а далекая планета Сатурн. Я сидел затаив дыхание и слушал абсолютную тишину. Только в это очень непродолжительное время еще не поют даже птицы. У меня было минут двадцать идеального спокойствия. Потом в воздухе, где-то вдалеке появлялось первое тарахтение мотора автомобиля, потом включались птицы, потом слышались первые людские голоса. Но эти вот первые двадцать минут после рассвета и акварельное небо с горами на горизонте, они стояли того, чтобы сюда приехать. Даже если вспомнить, как и почему я здесь оказался. Даже если в итоге я проиграю или даже погибну... все равно. Я увидел то, что хотел.

Зачем я здесь? Сейчас Миа спросит меня об этом. А я скажу ей, чтобы увидеть настоящее спокойствие. Чтобы исполнилась моя давняя мечта, и я научился бы серфингу, чтобы вылечить почти уничтоженную сильнейшим стрессом психику. Все это правда. Мне не обязательно врать. И вовсе не обязательно игнорировать ее вопросы. Я могу отвечать правду, я могу просто не рассказывать ВСЕ.

«Кто ты?» – задаст она вопрос. А я отвечу, что я банальный дауншифтер. Человек, сбежавший от цивилизации, семьи и хорошей работы. Чтобы смотреть, как цапли садятся на рисовое поле. Как они осторожно перешагивают колоски и строем, словно отряд солдат, прочесывают территорию, водя узкими длинноклювыми бошками из стороны в сторону. Как одна из них вдруг замирает и выстреливает клювом, словно из автомата: раз, два, три... клац-клац. И вот ее смертельное оружие уже выхватывает из зеленой поросли лягушку-партизана. А я смотрю на это все из окна и понимаю, что мне достаточно этого, чтобы жить. Так что, Миа, – я дауншифтер и ты зря ужинаешь со мной в этом роскошном ресторане.

«Откуда ты знал про девочку в Ку-Де-Те? И как ты выигрывал в казино?» – задаст мне она прямые вопросы, которых не избежать. А я скажу – я долбанный наркоман, у меня поврежден мозг. Я не видел никаких снов более года. А потому все эти образы, которые ты видишь ночью, они где-то копаются в голове, и иногда я брежу. Я вижу чертовы дежавю. Мне кажется, что все это было. И я вижу это слишком часто, чтобы мне было интересно насыщать свою жизнь событиями. Меня вполне устраивает мой отшельнический образ жизни. Чем меньше событий, тем меньше дежавю. Может, это все кажется тебе странным, но в мире полно странностей. И ты каждый день смиряешься с этим. Мою странность тоже надо просто принять и не удивляться ей.

«Зачем ты фотографируешь деревья?» – спросит она.

Это меня успокаивает – скажу я ей. У меня не все в порядке с психикой. Около года назад, в Москве, я испытал ужасный стресс, и мне просто необходимо делать что-то такое... умиротворяющее. Мне врач сказал, ходи на берег и слушай океан... или фотографируй деревья. Я чередую эти процессы.

Вот что я скажу Миа, когда она вздумает задавать мне вопросы. Все это почти полная правда. И этого объема информации достаточно для нее. А что я попрошу у нее? Я попрошу

ее помочь мне с переводом. Может, она сможет более толково расспросить у всех этих старцев, какое дерево на острове самое древнее и где оно растет. Мне бы это очень помогло. И уверен, что вид этого дерева баниан очень успокоил бы мою нервную систему. Мне бы очень хотелось посидеть и помедитировать в его тени. Вот о чем я попрошу Миа.

Я подъезжаю к Саронгу. Выхожу из машины и прохожу в зал. Замираю прямо в центре под роскошной люстрой и оглядываюсь по сторонам. Миа нигде нет. Наверное, пришел слишком рано, – думаю я и занимаю один из удаленных, укрытых от лишних глаз, столик на четверых.

Ненавижу столики на двоих. Мне за ними слишком тесно. Мне кажется, что они ущербны. Даже если я планирую быть только вдвоем, мне все равно хочется чуть больше пространства. В ресторанах плохо относятся к таким вот посетителям, и хостес непременно сделает попытку пересадить вас за столик для двоих. Поэтому в таких случаях я всегда вру. Говорю, что нас будет, наверное, трое. Когда к тебе придет только один гость, будет уже слишком поздно. К тому же мало ли. Обстоятельства ведь могут у кого угодно измениться, и мой второй гость может почему-то задержаться или вовсе не прийти. Я заказываю мартини бьянко со льдом и долькой лимона. Двойную порцию. Блюда буду заказывать, когда придут мои гости.

Мне приносят мартини, и я жадно выпиваю его почти залпом и прошу повторить. Второй мартини я уже смакую, прислушиваясь к своим ощущениям в организме, к тому, как во мне постепенно улетучивается всякое беспокойство. Как внутри становится тихо и мирно. Как мысли перестают дергаться в голове, как они начинают течь плавно и безмятежно. Я думаю о Миа. При других обстоятельствах я бы попробовал закрутить с ней роман. Где-нибудь в другом месте или в другой жизни. Мне кажется, что она из тех девушек, с которыми бы все хотели закрутить роман, но большинство просто не решается сделать хоть какой-то шаг в этом направлении. Идеальная красота может отпугивать не меньше, чем страшное уродство. Идеальная красота слишком опасна для твоего собственного эго. Не каждый способен вытянуть это бремя. Нужно быть очень уверенным в себе человеком, чтобы сказать такой девушке: «Будь моей».

Я сижу и жду. А ее все нет и нет. Неужели я ошибся? Неужели я все себе придумал про нее и придумал неверно? Черт подери меня с моими вечными колебаниями! Гребаные Весы. Туда-сюда. Верно—не верно. Будь уже мужиком, в конце концов! Начал что-то делать – делай. Пришел сюда – жди молча, раз уж пришел. Жди, пока не придет она или пока не закроется этот расчудесный ресторан!

Так прошло два часа. Я выпил шесть мартини и, поддавшись психологическому давлению официантов, заказал карпаччо из оленины. Мне настойчиво пытались впарить новое фирменное блюдо от шеф-повара – жареного скворца. Сказали, что в Европе и Америке это настоящий тренд. Все только и едят этих несчастных скворцов. В Саронг свежайшие птичьи тушки доставляют самолетом, а местный повар, француз по происхождению, потрясающе готовит их в соусе из белого вина и перечной приправы. И, похоже, только я один никак не подвержен этой скворцовомании... Официант грустно принял заказ на карпаччо и передал его на кухню. А я потом грустно и неторопливо поедал это сырое струганое мясо, запивая его мартини, словно водой.

Ресторан начал пустеть. А я изрядно поднапился. Когда уже стали закрывать кассу и меня попросили рассчитаться, стало очевидно, что ко мне никто не придет. Я был расстроен. Я расплатился и уже собирался уходить, как ко мне подошел мой официант и передал записку со словами: вам просили передать, когда вы уже будете уходить.

Я развернул бумагу и прочел следующее:

Здравствуй. Как видишь, ты все правильно угадал, и я тоже в тебе не ошиблась. Один твой старый приятель приглядывает за тобой и просил

передать тебе привет. Ты его пока не можешь увидеть, он так хотел. Но скоро все изменится, и тебе будет назначена встреча. Я знаю, что ты ищешь дерево. И я знаю, что это очень важно. Я хочу помочь. Но, пока ты здесь ждал меня, я забрала у тебя из компьютера снимки. Не злись, я просто хочу их сохранить. И еще на них все равно нет ТОГО САМОГО дерева. Нужно продолжать искать. Ты топчешься на месте. До встречи. МИА.

* * *

«Ты в ответе за тех, кого приручил». Вполне возможно, Экзюпери хотел сказать, что если ты пишешь музыку, прекрасную грустную мелодию, проникающую вместе со звуками куда-то глубоко в легкие слушателю или сжимающую его сердце, так, что он испытывает на мгновение сильнейшую боль, возможно иногда очищающую, но все же боль, то будь готов к тому, что кто-нибудь примет сверх нормы снотворного под твоё творение. Или выпрыгнет из окна, или удавится в петле, сконструированной из кожаного ремня для брюк. Или пойдёт и выстрелит ТЕБЕ прямо в сердце четыре раза. Понимаешь, о чём я? А? Джон Леннон, ты должен был знать это, когда писал «Imagine»! Потому что для кого-то это слишком красиво, чтобы жить с этим, это слишком больно, чтобы тебе позволить жить дальше! Когда ты создаешь что-то фантастически прекрасное и вдохновляющее, ты должен знать, что кто-то обязательно умрет. И этот КТО-ТО, возможно, ТЫ.

Нью-Йорк

Незадолго до этого

Перед презентацией третьей картины Херста

– Вы знали этого человека, мистер Херст? Я говорю о человеке с ЭТОГО снимка. – Полицейский тычет в лицо Херста фотографией, на которой двумя лишь красками, что очень ограничено, по мнению Херста, изображен мужчина. Точнее, его часть. Часть лица. Та часть, что уцелела после нескольких выстрелов прямо в голову. На снимке отчетливо видны входные отверстия от пуль. Чуть выше правой брови, правая щека. Нижняя челюсть, слева от рта. Неплохая кучность. Похвальная для стрелка. Пули легли с интервалом в несколько сантиметров, не оставив жертве никаких шансов. Полицейский выкладывает еще пару снимков, на которых можно увидеть, что тело лежит на спине, раскинув руки в стороны. Человек одет в клетчатую рубашку. От его головы растеклась огромная лужа крови. Будь фото цветным, мы бы узнали, что рубашка была нелепого светло-коричневого цвета в тонкую желтую клетку. – Вы когда-нибудь видели этого человека, мистер Херст? – повторяет полицейский и раскладывает еще несколько снимков на столе подобно тому, как крупье в казино раскладывает карты. Снимки очень похожи. Другие ракурсы одного и того же. Все они говорят лишь об одном – парень был застрелен несколькими выстрелами в голову. А еще совершенно ясно, что именно Херст ответит на эти глупые вопросы.

– Боюсь, что я никогда не видел этого человека. Насколько я могу разглядеть по этим снимкам, конечно, – отвечает Херст и отворачивается от полицейского. Он отходит к своему огромному мансардному окну и встает напротив, глядя на проникающие лучи солнца.

– Странно... а он вас знал, – говорит полицейский.

– Сейчас многие меня знают. Так уж вышло.

– Да... согласен. Вы очень известны, Вильям Херст. Но этот человек знал вас лучше других. Я скажу больше, он наблюдал за вами.

Полицейский подходит к Херсту и пытается заглянуть ему в глаза. Он ниже его на голову. Одет в джинсы и свитер. Он похож на полицейского из сериала «Полиция Майами». Такой же крепкий и настырный.

– Мало ли психов... многие люди тратят свою жизнь за наблюдением за знаменитостями, – отвечает Херст и отходит обратно к своему столу.

– Да... возможно. Но вы ведь дважды знаменитость, не так ли?

– О чем вы? – Херст иронично приподнимает брови.

– Я о том, что вы тот самый человек, который тридцать шесть лет пролежал в коме, а потом проснулся живой и здоровый. Про вас писали газеты.

– Простите... я упустил, как вас зовут?

– Детектив Вилсон.

– Моя болезнь... знаете... это нелучшая часть моей жизни. И я не люблю говорить об этом. Я потерял всех близких... По понятным причинам я не читал этих газет.

– Я тоже не читал, пока не побывал в комнате у этого парня. Вся его квартира обклеена газетными вырезками о вас. Я такое видел только в фильмах. Помните «Семь», с Брэдом Питтом? А? Мне нравится этот фильм... Так вот. Я никогда не видел ничего подобного. Вы были для него как наваждение. Все его жилище – это вы. Вырезки про вас, его наблюдения за вами. Его мысли о вас. Репродукция вашей картины на стене. Этот парень бредил вами.

– Согласен. Это очень неприятно.

– Что неприятно?

– То, что есть такие уроды, которые своими поступками ставят в тупик вас и отнимают время у меня. Простите, детектив, у вас есть что-то по существу, что-то, кроме всей этой чуши, которая, откровенно говоря, очень огорчает меня?

Полицейский подошел к Херсту. Так близко, что можно было почувствовать, что он ел на завтрак.

– Я хочу сказать, что этот парень хотел вас убить. Он пишет об этом в своем дневнике. Он пишет, что вы – дьявол, что вы хотите уничтожить мир и все такое...

– Бедный больной человек...

– Он даже купил пистолет. Девятый калибр. Он все рассчитал и все продумал. Завтра. Завтра он собирался привести свой план в действие, когда вы выйдете из дома, чтобы забрать письма и посылку, что приносят вам из ближайшего магазина. Доставка на дом. Вы почти не выходите из дома. И он знал это. В девять утра он уже ждал бы, когда вы выйдете забрать все это у посыльного. Но! Одно большое НО.

– Какое, черт подери, НО?

– Кто-то другой выстрелил ему прямо в лицо четыре раза. С расстояния три метра в его собственной квартире. Кто-то другой, кто не хотел, наверное, чтобы он успел воплотить свой план в жизнь. Кто-то другой, кого, возможно, наняли ВЫ.

Говоря «вы» полицейский неожиданно даже для себя сказал это слишком высоко. Так высоко, что смутился, покраснел и тут же закашлялся.

– Вздор! А вы не думаете, что этот парень просто наркоман, который должен кому-то кучу денег? Мне кажется, вы пытаетесь связать события, никак не связанные друг с другом на самом деле. Я никуда не выхожу из дома и почти ни с кем не общаюсь. Хотя, честно скажу, я рад, что вышло так, а не как задумал этот несчастный. Пожалуйста, если у вас будет что-то более конкретное, приходите ко мне, поговорим. А сейчас мне пора работать. Я должен сдать свою новую картину через два дня. До свидания.

Херст довольно грубо взял полицейского за локоть и проводил к двери. Полицейский не стал сопротивляться. Переступив порог, он обернулся и спросил Херста: «А вы правда дьявол? Я видел вашу картину. Человек не может ТАК рисовать». Херст сказал «До свидания» и закрыл дверь. Поднялся к себе в мансарду, снял с мольберта белую занавеску и продолжил работу. На холсте уже был набросок руки, обращенной к небу. Руки без одного пальца.

Нью-Йорк 1969 год

Высоченная стеклянная стена нависла над головой. Подойдя к ней вплотную и посмотрев вверх, можно было увидеть, как свет, проникая откуда-то сверху сквозь ее толщу, раскладывается на спектр и рисует прямо внутри этого гигантского монолита необычную кристаллическую радугу. Вильям прижимается щекой к стене и прищуривает один глаз. Он поражен необычным зрелищем. Настолько, что даже не думает о главном: Зачем здесь эта стена? И что делать дальше? Если ты зашел так далеко, то это наверняка имеет какой-то смысл. Но сейчас его заботит только радуга, застывшая внутри прозрачной глыбы. Он вдруг понимает, что цвет – это сложнейшая из форм света. Что он живой. Что, смешивая краски в своих работах, он не просто создает необходимые для изображения деталей оттенки, он создает новые формы жизни. Он создает некую энергию. Он запускает какой-то механизм. Он и правда может все. ВСЕ!

Вильям улыбается.

«И что там, за стеной?» – говорит он, обернувшись.

«Там? Там практически ВСЕ, что только можно попытаться себе представить. И одновременно ничего, – отвечает ему смуглый человек, сидящий позади него на корточках. Он увлеченно ковыряет землю прутиком и даже не поднимает голову».

«Разве так бывает? Опять загадки...»

«Только так и бывает в этом мире. Любое НЕЧТО родилось из абсолютного НИЧТО и в это же ничто превратится. Так и здесь. Один закон для всей вселенной».

«Это не ответ. Так можно отвечать на любые вопросы. Меня интересует нечто более конкретное. Кто мог выстроить здесь такую стену? И что в действительности находится за ней? – Вильям нервно убирает упавшие на лоб волосы».

«Поверь мне, однажды ты узнаешь, что там. Более того, подчинишь себе это знание. Просто пока не пришло время».

«Черный человек, ты говоришь загадками. Каждый раз ты подбрасываешь мне новую и новую загадку...»

«Я просто приглядываю за тобой. И буду приглядывать, пока ты не станешь совсем взрослым. Это важно. И ты, Вильям, тоже очень важен».

Человек встает с корточек и подходит к Вильяму. Хлопает его по плечу и исчезает.

Вильям Херст остается один. Он оборачивается к стеклянной стене и прикладывает к ней ухо. Он чувствует едва различимую вибрацию. Будто где-то вдали работают какие-то станки. Это продолжается несколько секунд. Потом вибрация исчезает. Зато появляется неприятный звук. Звук идет изнутри самого Вильяма. Нервный раздражающий звон. Он рвется наружу прямо из живота. И Вильяму начинает казаться, что живот его начинает светиться, что из него вот-вот вырвется наружу что-то совершенно дикое. Юноша пытается разорвать одежду у себя на животе, звон будильника становится невыносимым, и Вильям просыпается. Утро. Ему пора на учебу.

Гонконг Начало пути

Когда ты вдруг срываешься с места и исчезаешь, даже не оставив записки, даже не поговорив с родителями, даже не написав заявление на увольнение с работы, не стоит ждать понимания от коллег, друзей, родственников. Нужно уехать за двенадцать тысяч километров от дома, чтобы понять, что на самом деле ты всегда был один. Точнее... У тебя был единственный друг и, когда он на время покинул тебя... на какое-то неопределенное, но очень долгое время... ты остался совсем один. Чтобы осознать всю глубину своего реального одиночества, нужно исчезнуть и посмотреть, будет ли тебя искать кто-то кроме служб безопасности банков, где ты по глупости набрал больших и маленьких кредитов, думая, что жизнь всегда будет течь как течет. Будто не может случиться ничего такого, отчего ты просто не захочешь продолжать делать то, что делал. Ходить на работу, получать зарплату и покорно заносить в кассу Сити-банка одинаковую сумму седьмого числа каждого месяца. Когда ты покупаешь гигантскую плазму на стенку и жадничаешь платить сразу всю сумму и берешь кредит, ты и представить себе не можешь, что однажды тебе будет так глубоко плевать на эту плазму, что ты забудешь, что это вообще такое и какой логотип стоит на ее передней панели. Что ты просто выкинешь московскую сим-карту после третьего звонка из клиентского отдела с дурацким вопросом «Вы не собираетесь в ближайшее время менять телефон или адрес?». Да я, блин, уже в Гонконге! Бегу за собственной тенью! Знаете, девочка с ледяным голосом, чей звонок каждый раз, безусловно, записывается только для улучшения качества обслуживания, так вот запишите это – **МЕНЯ УЖЕ НЕТ! Я УЖЕ ПОМЕНИЛ МЕСТО ЖИТЕЛЬСТВА!** Только я не знаю, где я буду завтра. Знаете, куда бежит бешеная собака? У нее полная пасть слюней и хвост поджат к яйцам, и она вся в мыле, потому что бежит уже третий день подряд, без остановки! За ней никто не гонится. Она просто бежит. Бежит, потому что, если она остановится, ей придется признать страшный факт – **ОНА БОЛЬНА! И ОНА НЕМИНУЕМО СДОХНЕТ!** Эта бешеная собака и есть я. Вся в мыле. С билетами в один конец и тремя открытыми наспех срочными азиатскими визами. Вы звоните мне на мой московский номер, который не отключат, пока не стукнет минус двадцать одна тысяча на счету. И только поэтому вы все еще можете звонить мне. А потом... Потом появится еще один желающий получить по счетам. Но вот незадача, как со мной связаться, если они сами же выключат телефон за неуплату?! «Укажите, пожалуйста, по какой причине вы не занесли платеж своевременно? Скажите, пожалуйста, четко, это записывается». По какой причине?! Да мне вдруг стало просто плевать на все!

С вами не случилось такого?! А?! Так и запишите! Мне насрать на ваш банк, насрать на все мои покупки, которые я сделал за всю свою жизнь. Мне ничего теперь из этого не надо. За тридцать лет жизни я не приобрел ничего такого, чтобы могло служить противовесом от моего бешенства! Ничего! Девушка, вы мне не подскажите, на хрена я вообще жил?! «Скажите, пожалуйста, когда вы планируете внести очередной взнос?» Холодный спокойный голос. Полная противоположность моей истерике. Лучше бы она наорала на меня в ответ. Лучше бы она занервничала и повесила трубку. Чем вот так. Спокойно вбивает гвозди в крышку моего гроба. Ей, наверное, лет двадцать. И это ее первая паршивая работа. И, возможно, у нее впервые такая ситуация с психом клиентом, который несет под запись эту ахи-нею. Ничего. Будет что рассказать своему парню вечером, когда они вместе пойдут в кино в «Атриум».

- С тобой что-то не так, – скажет ей он.
- Тяжелый день.

– Что случилось?

– Один клиент. Очень странно себя вел. Мне кажется, он сошел с ума. Он кричал мне в трубку про то, что он бешеная собака, что во всем виноват Сад Сирен и что он должен найти Дерево Судьбы. А потому он не собирается отдавать банку кредит.

– Псих.

– Да. Жалко его... Купи мне попкорн.

Сука! Купи ей попкорн! Я не могу слушать ее бред. Не могу повторять отдельные фразы только из-за того, что были помехи и «наверное, плохо записалось». Я не могу истерить в два дубля. Я просто вешаю трубку и выкидываю сим-карту из окна отеля. С тринадцатого этажа старого, тонкого как игла высотного здания отеля «Централ-парк» на Голливуд-роуд. Четырнадцать квадратных метров клетки, обставленной дизайнерской мебелью. Бешеная собака бежит по ней кругами. Потому что не знает, куда бежать дальше, но остановиться тоже не может. Я вывешиваюсь из окна и смотрю, как в пятнадцати метрах от меня, в другом таком же узком и высоком здании, пожилая китайка развешивает белье на веревки, высунувшись из окна. Я улыбаюсь ей и машу рукой так сильно, что начинает болеть плечевой сустав. А она даже не смотрит на меня. Я кричу ей: «Эй!» А она даже не оборачивается. Потому что я призрак. Потому что на самом деле меня нет ни для кого, кроме сотрудников этих долбанных банков. А если так, то, может, это и есть любовь? А? Чтобы о тебе хоть кто-то начал беспокоиться, может, нужно просто взять большой кредит? А?

Я плюхаюсь на маленькую квадратную кровать в стиле минимализма. Беру с минималистической тумбочки стакан, до краев наполненный чистым виски, и делаю несколько больших глотков.

Срабатывает рвотный рефлекс, но я сдерживаюсь, морщусь и продолжаю пить. Мне очень хочется напиться. Очень. В дрова, в хлам, в дым. Чтобы из бешеной собаки превратиться в отвратительную пьяную русскую свинью. Я буду вызывать у всех отвращение, но я смогу хоть на мгновение перестать бежать. Я выпиваю еще один полный стакан. Чувствую, как в голове все мутнеет. Одеваюсь и выхожу из номера. Спускаюсь на лифте в маленький холл отеля. Вычурно улыбаюсь портье и иду в ближайший бар. Бреду по Голливуд-роуд минут двадцать пешком в сторону центра. Потом наугад сворачиваю в какой-то переулок, потом еще раз и еще. Потом шагаю куда-то дальше. Дорога тянет в горку под таким углом, что у меня начинается сначала легкая, а потом и сильная одышка. Я потею как свинья, с непривычки, от бешеной влажности и от того, что пьян, и моя пешая прогулка не самое простое испытание для человека, принявшего на грудь триста грамм. А я все иду и иду. Это мой первый день побега. И мне совсем не хочется спать. Потому что я выспался в самолете, потому что бешеная разница во времени. И в Москве сейчас еще рабочий день, а здесь уже давно стемнело и по улицам шастают лишь любители ночных приключений. И вот я вижу какую-то вывеску на китайском, без дубляжа на английском. Я спускаюсь в полуподвальное, совершенно пустое, помещение с большой черной барной стойкой. Сажусь напротив появившегося будто из-под земли маленького пожилого бармена-китайца, заказываю еще выпить, но прежде, чем мне принесут стакан, я вижу свое первое дежавю. Я вижу, как дверь бара открывается и входит шумная компания. Три европейца и две шлюхи-китайки. Они плюхаются справа от меня и заказывают дайкири. Это все выглядит как какой-то долбанный глюк. Будто я напился до чертей, и мерещится всякое. И я говорю китайцу-бармену: «Не спешите закрываться, сейчас к вам завалят еще пятеро любителей дайкири». Китаец хлопает глазами и подает мне мой виски. Дверь открывается, и входят эти пятеро. Садятся на стулья справа и просят те самые пидерско-сутенерские коктейли. Не знаю, кто больше удивляется, я или китаец. Наверное, все же я. Я понимаю, что начинается что-то, что указывает: я бегу в верном направлении. И я должен продолжать бежать, во что бы то ни стало... Мне становится грустно и страшно. Я иду в туалет, умываюсь холодной водой. Фыркая, брызгаю

в лицо воду. Так размашисто, что заливаю джинсы и рубашку. Выхожу из туалета пошатываясь. Ловлю брезгливые взгляды этой компашки. Отвечаю им взглядом «Щасубьюсуки», заставляющим их на минуту замолчать и уткнуться в свои стаканы. Кладу на барную стойку несколько расписных гонконгских баксов и выхожу в ночь. Иду куда-то вверх, пока не упираюсь в маленький садик с прудом и храмом. Сажусь на лавочке у воды и плачу. Да. Я рыдаю как девчонка. Размазываю слезы по щекам и чувствую, как соль больно колет кожу. А потом я просто ложусь на лавочку и засыпаю. Просто вдруг все становится совершенно темным, и сознание выключается на какое-то время. Я проваливаюсь в темноту без малейшего намека хоть на какое-нибудь сновидение. Я сплю и вижу лишь громадное черное одиночество. И я вижу его каждый раз, когда укладываюсь спать. Это и есть мой ночной кошмар.

* * *

*Когда-то давно, в другой жизни, в Москве, мы ходили на психологический тренинг, смысл которого был в осознании того, что каждый из нас абсолютно целостное существо и совершенно самодостаточная по сути система. Что все, что нам нужно, давным-давно лежит внутри нас самих и главное, чему мы должны научиться в процессе жизни, – это извлекать изнутри все, что только нам необходимо. Это может звучать странно, но «Мерседес», который ты хочешь давным-давно, лежит внутри тебя, и там же рядом – поездка на Мальдивы. А еще там квартира на Басманной и клубная карта «Сохо-Румс». Все внутри тебя. Там же в придачу хранятся все твои хорошие эмоции, которые и есть ключ и сила, заставляющие появляться на свет все эти возжеленные предметы. Такой вот тренинг. Есть люди, которые с ума сходят по всем этим тренингам. А есть люди, которые неплохо зарабатывают на организации этих самых тренингов. Но я никогда еще не видел человека, который сосредоточился бы и извлек из себя «Мерседес» S-класса. Никогда. Я видел только странных, заморенных жизнью людей в поисках хоть какого-то оправдания, почему же их жизнь не похожа на то, о чем они мечтали, а больше напоминает какую-то идиотскую дробку. И вот они идут на **такой тренинг**, чтобы потом говорить за ужином друг другу – это все потому, что ты не настроен на нужные волны. Это все потому, что ты никак не научишься извлекать из себя необходимые энергетические потоки. Да! Вы не научились, и именно поэтому ваша жизнь больше похожа на НТВ-шный сериал, чем на фильм с участием Скарлетт Йохансен. А что там делал я? Тоже, наверное, искал объяснение своей неудовлетворенности. И тоже, наверное, хотел научиться извлекать из себя хоть что-то отличное от обычных, природой выданных на старте естественных испражнений. Столько горечи и желчи внутри. Ее надо было как-то нейтрализовать или материализовать в нечто страшное. Способное изменить и даже погубить мой собственный мир. Мы – саморазрушители по природе своей. Бог дал нам инстинкт самосохранения, чтобы мы не могли убить себя. Мы придумали тысячи способов обойти его инстинкты и убиваем себя исподтишка. Медленно и осторожно. Дабы не сработал этот самый инстинкт, дабы не нарушил он наши коварные далеко идущие в своей разрушительности планы. Кто-то говорит: «Научитесь извлекать все изнутри». А я говорю: «Забей покрепче все свои долбанные щели, потому что внутри тебя может оказаться одно дерьмо! И тебе это может очень не понравиться. Но будет слишком, слишком поздно. Ящик Пандоры должен быть ВСЕГДА НАДЕЖНО ЗАКРЫТ. Иначе будет поздно». Это мой антитренинг. Это то, во что я теперь верю. Это то, что пишу в своем дневнике, сидя на тринадцатом этаже в номере отеля «Централ-парк» в Гонконге. Это то, что могу прочитать всякий раз, когда вдруг почему-то забуду про ключевые выводы своего антитренинга под названием «Моя жизнь».*

* * *

Новый английский GQ, купленный в супермаркете «Бали-Дели», говорит мне, что я безнадежно отстал от жизни. Он говорит, что в моде короткие узкие брюки и пиджаки на одной пуговице. Он говорит мне, что скоро выйдет новый альбом *Depeche Mode* и Том Круз снялся в новом эпическом фильме про войну. Он говорит, что мир меняется стремительно как никогда, что мы на пороге новой культурной революции. Он говорит мне, что впервые за тысячи лет из моды выходят часы и кольца. Что наступает эпоха настоящей свободы от времени и бремени символов. Он говорит мне, что новые герои формируют сознание масс. Он печатает портрет одного из них на обложке, и мне становится плохо. Потому что однажды я уже видел этого человека в своих снах. Он говорит мне, что этот человек Вильям Херст и он новая икона стиля мышления бла-бла-бла. Журнал печатает репродукции его нескольких работ и публикует карту, по которой видно, как его работы перемещаются по миру, срывая бесконечные овации зрителей. Он говорит мне, что я самый большой идиот на планете Земля, потому что, возможно, лишь я один не дрочу на его картины. Он говорит мне, что я наверняка окончательно попал. Он говорит мне, что надо торопиться, что времени не осталось совсем и что надо сделать то, что я задумал, что, возможно, у меня в запасе лишь несколько дней. Я смотрю в гляцевый журнал и читаю между строк. Возможно, лишь я один понимаю, что это не просто картины. Херст задумал нарисовать цикл из пяти работ. Три уже гуляют по свету. А это значит, что ему надо написать еще две. Не знаю, как, но все это как-то связано со мной. GQ говорит мне, что я должен успеть найти это долбаное дерево до того, как мир увидит его пятую работу. Он орет мне в лицо это имя – Вильям Херст. Имя из сна. Он показывает мне вновь и вновь лицо человека, приснившегося мне когда-то и перевернувшего все в моей жизни. Оно смотрит на меня с обложки GQ, улыбается и говорит: «Лузер! Ты проиграешь при любом раскладе!» Я в бешенстве бросаю журнал в мусорное ведро. Туплю в совершенно пустую папку в компьютере, где еще недавно были тысячи снимков деревьев баниан, одеваюсь и с решимостью сержанта Гаврилова, последнего защитника легендарной Брестской крепости, иду начинать все сначала.

Нью-Йорк 1974 год

- Дариа... странное, но красивое имя. Откуда вы?
- Мой отец иранский дипломат. В пятьдесят шестом он переехал в Штаты. Моя мать американка. Они познакомились здесь. Дариа – это персидское имя.
- Мне почему-то всегда казалось, что Персия это какая-то сказочная страна, утопающая в цветах и запахах фруктов – мандаринов, апельсинов и персиков. Если бы именно такая страна существовала, вы бы наверняка могли быть в ней принцессой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.